

УДК: 398.332.1(=161.3)(=512.151)(571)

Н. Р. Ойроткинова, Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН

**Весенний календарный цикл алтайцев и белорусов-переселенцев Сибири:
Дьылгайак и Масленица¹**

В статье дано описание и первоначальное сравнение обрядов, приуроченных к весеннему сезону в двух разных культурных традициях, тюркской и славянской, – алтайцев и белорусов-переселенцев Сибири. Рассматриваются алтайский праздник Дьылгайак (*Дылгайак*), приуроченный к наступлению весны и началу года, и ритуальный комплекс Масленицы у белорусов-переселенцев Сибири, имеющий сходное семантическое значение. Материалом исследования послужили полевые аудио- и видеозаписи, сделанные авторами статьи в фольклорно-этнографических экспедициях последнего десятилетия в районы Республики Алтай и Новосибирской области, а также сведения из различных опубликованных и архивных источников.

Ключевые слова: алтайцы, белорусы-переселенцы Сибири, календарный фольклор, весенние обряды, Дьылгайак, Масленица.

Обряды – одна из форм организации культурной памяти народа. Для воспроизведения определенного обряда необходимо, чтобы сохранялись его составные части, порядок проведения, смысловая и поэтическая составляющие. Кроме того, он должен быть востребован обществом. При отсутствии возможности письменного сохранения фольклора единственным прибежищем знания, гарантирующим групповую идентичность, является человеческая память. Под понятием *культурная память* мы понимаем «систему базовых представлений общества о прошлом, закрепленную в памятниках культуры и социальной традиции»².

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Фольклор как источник исторической памяти народов Сибири» (рук. Е. Н. Кузьмина, 2016–2017) Программы президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» Комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Интеграция и развитие» на 2017 год (Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы).

² *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.

Ойроткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 205, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: n.bauzhanova@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: tan-dai@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

Целью данной статьи является описание обрядов, приуроченных к весеннему сезону в двух разных культурных традициях, тюркской и славянской, – алтайцев и белорусов-переселенцев Сибири. Рассматриваются алтайский праздник Дьылгайак (*Дьылгайак*), приуроченный к наступлению весны и началу года, и ритуальный комплекс Масленицы у белорусов-переселенцев Сибири, имеющий то же семантическое значение. Материалом исследования послужили полевые аудио- и видеозаписи, сделанные авторами статьи в фольклорно-этнографических экспедициях последнего десятилетия в районы Республики Алтай и Новосибирской области, а также сведения из различных опубликованных и архивных источников.

В календарях разных народов и связанных с ними народных традициях особую роль играли астрономические явления. Особое значение имели два солнцестояния: зимнее – 22 декабря, летнее – 22 июня, с которыми связаны сроки «поворота» солнца на лето и на зиму, и два равноденствия: весеннее – 21 марта и осеннее – 23 сентября и соответствующие этим дням приход весны и наступление осени.

Алтайцы. Современный календарный праздник Дьылгайак (*Дьылгайак* – алт., *Чылхайак* – хак.), устраиваемый алтайцами в начале весны, связан с проводами зимы и старого года, а также со встречей Начала года. В старину Начало года (*Дьыл бажы* – алт., *Чыл пазы* – хак., *Чыл пажы* – шор.) отмечали многие тюркоязычные народы как праздник прихода Нового года (Навруз) по солнечному летоисчислению (совпадает с весенним равноденствием). По представлениям тюрков, каждый год делился на 6 месяцев лета и 6 месяцев зимы. Границей этого деления являлся день весеннего равноденствия, или Науруз, Начало года – *Дьыл бажы*. Это день, когда небесные светила, созвездия и звезды, после годовичного круговорота проходят над точкой своего первоначального пребывания и начинают новый путь – круг. Со сменой официальных календарей многое изменилось и в традиционном календаре тюркских народов Южной Сибири. Начало года (*Дьыл бажы*) не следует путать с восточным Новым годом – *Чагаа*, который отмечается алтайцами по монгольской традиции в новолуние первого месяца календаря.

Этнограф А.П. Чемчиева пишет, что «Дьылгайак является одним из древнейших праздников на территории Алтая и знаменует собой начало нового года в день весеннего равноденствия (21 марта). В представлениях коренных жителей Алтая Дьылгайак символизирует окончание долгой зимы, начало возрождения природы и обновления жизни людей. В годы советской власти Дьылгайак практически не отмечался и потерял свое былое значение. Традиционный весенний новогодний обрядовый цикл распался и частично смысл праздника Дьылгайак был перенесен на советский праздник “Проводы зимы”» [Чемчиева, 2016, с. 195].

В прошлом у тюрков Южной Сибири существовали разные традиции отмечания Дьылгайка. Так, у северных алтайцев он больше был связан с православными традициями и похож на Масленицу. По рассказу информантки: «Праздник Дьылгайак приходит в феврале в седьмой день убывания луны. Одну неделю будет стоять. В этот праздник люди свадьбу справляют, веселятся, на лошадях скачки проводят. Из продуктов пельмени стряпают, блины пекут. Значение этого праздника такое: до Пасхи постятся. Друг другу поклоны кладут. Первого марта Дьылгайак кончается, 7-го апреля Пасха приходит. В половине мая Пасха проходит»³.

Приведем некоторые сведения о том, как отмечали этот праздник другие, близкородственные алтайцам тюркские этносы в Сибири. Хакасы масленицу праздновали неделю, от воскресенья до воскресенья. Они «первое воскресенье Масленицы называли хакасским – *тадар сарыг хаягы*”. Последнее воскресенье именовалось русской Масленицей – *хазах сарыг хаягы*”. Во многих селах и деревнях в первый день по традиции заливали каток для масленичного катанья на санках и самодельных коньках. В хакасских *аалах* каток во время Масленицы играл такое большое значение, что данный праздник имел второе название Чылгаях (каток). В середине ледяного поля укреплялся столб, на который одевалось колесо с прицепленными санками. Стар и млад в течение недели обязаны были кататься на этом сооружении. Как объясняли хакасские мудрецы, от катания у человека облегчаются кости – *соок ниидир*”. В последний день Масленицы каток и санки уничтожались» [Бутанаев, Верник, Ултургашев, 1999, с. 51].

В сознании хакасов слово *чылгаях* (каток) ассоциируется с катаниями с горок во время Масленицы. Термин *Чылхайак* состоит из двух слов: *чыл* ‘год’ + *гайак* / *хайах* ‘масло’ [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 781]. Лексические значения слова *Дьылгайак*, данные в «Ойротско-русском словаре»:

³ Рукопись тома «Обрядовая поэзия алтайцев» (серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). Комментарии к тексту № 25. Зап. К.Е. Укачина в 1984 г. в г. Горно-Алтайске от У.Г. Улагашевой, 69 лет, 1915 г. р., из рода комдош, диалект туба-кижи, родилась в с. Сары-Кокша Майминского района.

«1. Масленица; 2. Каток, жолоб» [Баскаков, Тоцакова, 2005, с. 61] также указывают на то, что с этим словом связан праздник Масленицы.

Южные алтайцы календарный праздник *Дьылгайак* больше связывают с началом года и отмечают, что он проводится в новолуние марта. В прошлом этот весенний праздник, скорее всего, был связан со встречей Нового года в день равноденствия, 21 марта. Особый национальный колорит празднику придают исполняемые в этот день ритуальные действия, традиционная кухня и устно-поэтический фольклор. Так, по сообщению сказителя Н.К. Ялатова: «Дьылгайак празднуют в новолуние марта месяца (*тулаан*), перед весенним равноденствием, приходом Нового года. В этот день, рано утром в большой юрте разжигается большой костер, в большом казане варится мясо-сало вместе с кишками, набитыми мелко нарубленным мясом – *казы-карта*. Другая пища разогреваются в чугунах. На четыре *тагыл'а* (жертвенника), это красиво сделанные удобные круглые чурочки, как только лучи солнца осветят вершины гор, кладут можжевельник. Юрта окуривается можжевельником... Люди прежде всего благословляют огонь, кланяются ему, затем благословляют все остальное... На *тагыл'ах*, стоящих в переднем [почетном] углу хозяин юрты сжигает можжевельник»⁴.

В заклинаниях (*алкыш*), произносимых рано утром при кормлении огня и домашних духов-покровителей, просят здоровья и благосостояния членам семьи в наступившем году. Приведем отрывок из текста: «*Ўч-Курбустан кудайым, / Улу алкыш беригер, / Ўүрлү малыс жыл чыгып, / Ўстү ажыс түгенбезин. / Алтай-Кудай, алкыш берзеер! / Ак малыбыс коробой / Амыр, jakшы жыл чыксын! / Ак быйаны оорубазын, / Ак сүдүбис түгенбезин. / Алкы бойыбыс оорыбай, / Амыр, jakшы жыл чыгак. 'Ўч-Курбустан – бог мой, / Великое благословение дайте, / Пусть для стада нашего год благополучным будет, / Пусть жирная наша пища не иссякает. / Алтай бог, благословение дайте! / Пусть белый наш скот не уменьшится, / Спокойно, хорошо год проведем. / Пусть белый скот не болеет, / Пусть белое молоко не иссякает. / Мы сами чтобы не болели, / Спокойно, хорошо из года выйдем'*»⁵.

Присутствующие в обрядности Дьылгайака, или Дьыл бажы, языческие компоненты уходят вглубь истории древних тюрков. Установлено, что ритуальные действия, совершаемые в день равноденствия – *Жыл бажы*, те же самые, что и в обряде жертвоприношения духам-хозяевам земли (*Жерсуу*) (см. [Ойроткина, 2016, с. 13–14]). Обязательными составляющими являются следующие: 1) кормление духов-хозяев домашнего очага; 2) очищение жилища и окуривание дымом можжевельника; 3) кормление духов-хозяев местности, привязывание к березам жертвенных лент. Этот обряд имеет культовый характер, так как он вобрал в себя элементы древних анимистических культов: земли, воды, солнца, огня, культа умерших предков.

По воспоминаниям нашей информантки, во время празднования Дьылгайака люди ходят друг к другу в гости, угощают мясными и молочными блюдами, поют песни, в которых приветствуется приход весны, пробуждение природы от зимнего сна. Дьылгайак проводят, «когда приходит весна, появляется зелень, и зайчик поет. В это время люди делают айрак⁶, готовят угощения, варят мясо»⁷ [Жимулева, 2009, с. 25].

Такие символические действия в этот день, как ходить друг к другу в гости, угощать мясными и молочными блюдами, связаны с традицией очищения, прощения грехов и обновления. С этого дня начинается новый природный цикл и, соответственно, у людей это – праздник духовного обновления. В этот день устраивают народные гуляния, катания с горок на санках или на лошадиных шкурах, лепят снежную бабу, устраивают «битье снега» (*кар токпоктооор*) палкой или колышком, при этом все участники игр топчут снег и громко кричат: «*Жылгайак Жыл экелди! Жылу, жылу бол! Кар кайылзын, көк чыксын, кыра сүрүулзин, кобыдан суулар коркыражып кожондошсын! Жылгайак, Жылгайак, жыл экелзин! Кучкаштар да кожондошсын!* 'Дьылгайак новый год принес! Пусть будет тепло, тепло! Пусть снег тает! Пусть травка растет! Пусть пашни вспашут, пусть с логов ручьи, журча, песни распевая, бегут! Дьылгайак, Дьылгайак, пусть новый год принесет! Пусть и птицы поют!'»⁸. Поколачивание снега палкой или еще каким-нибудь твердым предметом символизировало, по словам информанта, приближение весны и нового года. Эти ритуальные действия являются обязательными во время Дьылгайака.

⁴ Рукопись тома «Обрядовая поэзия алтайцев». Текст № 24. Самозапись Н.К. Ялатова, из рода кегел майман (1927–2002 гг.), родился в с. Апшыйаку Шебалинского района Республики Алтай, народного сказителя, знатока обрядов и благопожеланий.

⁵ Там же. Текст № 24.

⁶ Айран – кисломолочный напиток из коровьего молока.

⁷ Материалы экспедиции к теленгитам в Республику Алтай. Зап. Н.Р. Ойроткина, Е.И. Жимулева в июле 2009 г. в с. Улаган Улаганского района от М.М. Манзыровой, 1928 г.р.

⁸ См. сноску 4.

Катание с горок понимается современниками как праздничное развлечение, хотя в этом изначально был скрыт особый магический смысл. Исследовательница весенне-летних календарных обрядов русских, украинцев и белорусов В.К. Соколова считает, что «катание с гор в основе было вариацией древнейшего распространенного приема карпогонической (продуцирующей. – Н. О.) магии – обычай катания по земле предполагал, что путем прикосновения с ней можно заставить ее лучше плодоносить. Пережитки такого весеннего катания кое-где сохранялись еще в конце XIX в. Русские катались по земле на Пасху, а чаще на Вознесенье, украинцы – на Юрьев день. На Масленицу, когда земля была покрыта толщей снега, катались или валялись по нему, зарывали молодых в снег, бросались снежками при сожжении чучела Масленицы. Древний магический обряд превратился в излюбленное праздничное развлечение» [Соколова, 1979, с. 44].

Основными мотивами текстов песен, приуроченных к Дьылгайаку, являются приход весны, тепла, ожидание появления зелени: «*Дьылгайак, Дьылгайак, / Дьыл өткөнниг байрамы! Дайшөкүрүм дьылгалы, / Дас келгенниг көкөнү. / Даскы күнниг јарт чогы / Даткан карды кайылтар. / Дараш үндү куштарым / Данып келер Алтайга!* ‘Дьылгайак, дьылгайак! Года прошедшего праздник, / Молодежи веселье. / Прихода весны пробуждение. / Весеннего солнца ясные лучи / Лежащий снег растопят, / С красивыми голосами птицы наши / Домой, на Алтай вернутся’»⁹. В следующем тексте песни указано время проведения этого календарного праздника: «*Кочкор айдын корон соок / Коркуштанып өдө берт. Колчанакту балдарыс / Колчанакла јунулайт. / Туулан айдын ак јангы / Туунын карын кайылтты. / Турлу јангыс чанакту / Эски карды үйдежет.* ‘Месяца кочкор (февраль) жгучие морозы, / Лютуя, прошли. / Имеющие саночки наши дети / На саночках катаются. / Месяца тулаан (март) белое новолуние / Снега на горе растопило. / Стоянка на одних санях / Старый снег провожает’»¹⁰.

Дьыл бажы / Чыл пазы у тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и шорцев) длится до первого грома, что говорит о его цикличности. В.Я. Бутанаев, А.А. Верник, А.А. Ултургашев пишут, что у хакасов «празднование *Чыл пазы* начинали с прилета первых птиц, первого кукования кукушки и растягивали до первых раскатов грома. В день весеннего равноденствия, рано утром, жители *аала* выходили на ближайшую возвышенность и встречали восход солнца. Необходимо было совершить моление на играющее в утреннем мареве солнце... Во время праздника *Чыл пазы* необходимо было совершить ритуальное кормление семейно-родовых *төсей* (покровителей. – Н. О.)... Затем начинался общий, аальный праздничный пир “той”. Начинались взаимные визиты и угощения. В каждую юрту, богатую или бедную, надо было зайти, хотя бы ненадолго. Люди обращались друг к другу со словами: “*Чыл пазы чылды, чылан кибі сойылды*” – “Пришел Новый год, снялась змеиная шкура”» [Бутанаев, Верник, Ултургашев, 1999, с. 21]. Первый гром имеет символическое значение и для алтайцев: это верховное божество – Кайракан подает знак, что пришло лето. Услышав гром, непременно нужно выйти из юрты и покататься на земле. Такое действие совершается с целью очищения человеческого тела от болезней. После этого тело становится живым, легким. Когда катаются по земле, говорят: «*Дьыл аш јадырыс!* ‘Год переваливаем!’». Если гром был слышен с мужской стороны юрты, то нужно кувыряться, подстелив под себя потник. Также кувыркается человек, который давно не был на своей земле»¹¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что календарный праздник *Дьылгайак*, устраиваемый в новолуние, в честь прихода весны, в старину совпадал с празднованием Нового года – *Дьыл бажы*. Под влиянием славянских и православных традиций суть этого древнего праздника могла видоизмениться, в годы же советской власти он был почти забыт, и многие его элементы были безвозвратно утрачены. В смысл тюркского календарного праздника *Дьылгайак*, устраиваемого в начале весны, стало вкладываться несколько иное значение – «проводы зимы», отождествляя его с Масленицей.

Белорусы. Весенний период в фольклорной традиции белорусов считается самым продолжительным по времени и отличающимся наибольшей многосоставностью обрядов и календарных жанров. По народным определениям, записанным в Белоруссии, весна наступает, «как только стежки начинают чернеть», «как только солнце ярче засветит», «когда с крыш капать начнет», «после коляд, как только весну потянет». Окончание весны тоже имеет свои приметы: «весну поем, покуда кукушка кукует, а тогда уже начинаем петь лето» [Можейко, 1985, с. 21]. У сибирских белорусов ядро весен-

⁹ Рукопись тома «Обрядовая поэзия алтайцев». Текст № 24. Самозапись Н.К. Ялатова, из рода кегел майман (1927–2002 гг.), родился в с. Апшыйакут Шибалинского района Республики Алтай, народного сказителя, знатока обрядов и благопожеланий.

¹⁰ Там же.

¹¹ Материалы экспедиции к теленгитам в Республику Алтай. Зап. Н.Р. Ойноктинова, Е.И. Жимулева в июле 2009 г. в с. Улаган Улаганского района от М.М. Манзыровой, 1928 г.р.

него цикла сохраняется в целом таким же, как и в материнской традиции: масленичные песни, заугания весны, пасхальный комплекс, включая радоницкие хороводы.

Начинается весенний цикл масленичной неделей. Масленица занимает пограничное положение: с одной стороны, она завершает зимний период, с другой – открывает весенний. Однако, по мнению большинства ученых-славистов, «по смыслу и функциональной направленности» масленичную неделю следует относить к весеннему периоду¹². Так «было в действительности в народном быту до введения великого поста, прервавшего начало весеннего календарно-земледельческого праздника и отделившего масленицу от остального весеннего песенно-обрядового цикла как своеобразный его пролог» [Можейко, 1985, с. 24]. Некоторые ученые предполагают, что в дохристианский период Масленица имела конкретную дату празднования. Б.А. Рыбаков считает, что, судя по обилию в масленичных обрядах солярной символики, празднование происходило в одну из важнейших солнечных фаз – в последнюю декаду марта, в дни весеннего равноденствия¹³. В.Я. Пропп предполагает, что Масленица «некогда совпадала с празднованием Нового года», до 1348 г. отмечавшегося 1 марта [2000, с. 31]. После принятия христианства, чтобы Масленица не совпадала с Великим постом, её празднование передвинули на период перед ним. Так Масленица стала подвижным праздником, который отмечается в настоящее время за семь недель до Пасхи.

Длительность Масленицы варьировалась в разных местах расселения белорусов от недели до нескольких дней. Исследователи отмечают, что обычно все в деревне знали, что идет масленая неделя, но основные праздничные мероприятия устраивались с четверга по воскресенье. «Начинали с четверга. Уже ничего не делали, катались и всё, гуляли, пели» (с. Камышинка Кыштовского района Новосибирской области) [Дайнеко, 2016б, с. 87]. Последний день Масленицы повсеместно назывался «Прощёным воскресеньем». Также имеются сведения, что в некоторых белорусских сёлах Красноярского края особое название имела пятница масленичной недели – её называли «гульба» [Сибирская Масленица, 2010, с. 11].

У белорусских переселенцев Масленица считалась большим праздником, который носил всеобщий характер: в нем принимали участие жители всех поколений, съезжались из разных деревень родственники, многие информанты говорили об особенно приподнятом настроении в эти дни [Фурсова, 2002, ч. 1, с. 188]. Во время Масленой недели запрещалось заниматься большими сельскохозяйственными и женскими рукодельными работами [Белорусы в Сибири, 2011, с. 162].

Обрядовый комплекс масленичной недели сибирских и дальневосточных белорусов весьма обширен. При этом влияние церкви проявилось лишь в запрете употреблять мясную пищу и обычае просить прощения в последний день. Остальные обряды, по мнению ученых, сохранились со времен язычества. Одни обряды «имели аграрную направленность, другие – скотоводческую, третьи были призваны обеспечить достаток и изобилие в доме» [Сибирская Масленица, 2010, с. 8].

Повсеместно в Сибири и на Дальнем Востоке у белорусов-переселенцев было принято устраивать обильные застолья. Основным блюдом были блины. Исследователи считают, что эта ритуальная еда была связана с культом Солнца (о чем свидетельствует прежде всего форма блинов), во-вторых – с культом предков (блины – поминальная еда). По материалам, записанным в Новосибирской области, еще в первой четверти XX в. в белорусских сёлах осознавался и еще один смысл этого блюда: свернутый в рожок блин символизировал молодой месяц, который как раз нарождался в дни Масленицы. Хозяйка при этом говорила: «Молодичёк народився, надо, чтобы он рог утопил в масло» (с. Кыштовка Новосибирской области) [Фурсова, 2002, ч. 1, с. 188]. В некоторых сёлах отмечена привезенная из Белоруссии традиция готовить на масленой неделе «куттю» из пшеницы; хозяйка должна была отнести её в пригон и разбросать по углам, угощая «хозяина» и предотвращая таким образом морозы [Там же]. Очень распространенным и одним из главных блюд были вареники с творогом («сыром»): белорусы-переселенцы даже употребляли наряду с «масляная» название «сырная неделя» [Фетисова, 2002, с. 86]. Несмотря на церковный запрет, в некоторых селах готовили и мясную пищу, в частности пельмени [Фурсова, 2002, ч. 1, с. 188]. Обильные застолья с родней и соседями было принято готовить весь период празднования Масленицы, следовало также обязательно ходить друг к другу в гости. Отметим, что в советское время этот обычай было достаточно сложно соблюдать, и некоторые информанты его даже не вспомнили. Пример из записей экспедиции в Новосибирскую область 2016 г.: «Милые мои, я не помню, потому что нам некада было ходить из-за работы. Люди были в работе шибко задавленными. Это вот сейчас никакой работы. Вот сейчас бы те люди поднялись, ды

¹² Например, в фольклоре южных славян Масленица относится именно к весенней обрядности (См.: *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники*. М., 1976).

¹³ *Рыбаков Б.А. Язычество древних славян*. М.: Наука, 1981. С. 314.

сказали б им, что без работы люди сидят – никад́а б не поверили. Особенно мужчины. <...> Шибко работа была страшная у нас в деревне» (с. Колбаса Кыштовского района) [Дайнеко, 2016а, с. 67].

Традиционными развлечениями в масленичный период во всех очагах расселения белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке были катания с гор и на лошадях, в которых участвовали и дети, и взрослые. «Катались! Горку некада было строить. У нас горка была крутая-крутая вон на речке, возле кузницы. Вот там катались всё на горке» (с. Колбаса Кыштовского района) [Дайнеко, 2016а, с. 67]. С гор катались на санях (которые назывались «крясла», «кашава»), на конской коже (сведения из Енисейского края), еще в первой трети XX в. в белорусских деревнях фиксируются катания на донцах прялок (в настоящее время эта традиция утрачена) [Традиционная культура белорусов..., 2013, с. 183]. Помимо развлекательной функции катание с горы было актом продуцирующей земледельческой магии – «на долгий лён». Лошадей для катания на Масленицу «вот что на свадьбу украшали, даже и колокольчик иной раз привяжут, ездили по улице». «На Масленицу ездили в гости там куда-нибудь, и по деревне катались девки с хлопцами, ездили на санях». «...А лошадей [украшали]: дуги абматывали [вышитыми рушниками], колокольчики весили надужные» (с. Шкотово Шкотовского района Приморского края) [Семенова, Семенов, 2003, с. 11]. Иногда в санях ездили музыканты – скрипач, гармонист, бубнист [Там же]. Записаны сведения о том, что на оглобли могли навешать березовых веников, а сзади прямо в санях запалить небольшой костер из соломы: «Туда соломы накидают, прямо в повозку. Едут, солома горит» (д. Останинка Северного района Новосибирской области) [Фурсова, 2002, ч. 1, с. 191]. Масленичные гуляния включали в себя также качание на качелях (они представляли собой широкую доску, подвешенную на столбах), с последующими прыжками в снег.

Важной частью масленичных гуляний было обрядовое переодевание (в цыган, в медведя, во врача и пр.), которое и по внешним признакам, и по символическому значению было схоже со святочным ряженьем. Однако с течением времени символический смысл утратился, и за ритуальным переодеванием закрепились развлекательная функция: «снаряжались которые, дурачились. Это ўжо “дурачиться” у нас тада называли. Это чтобы веселей провести время» (Е.И. Павлюкова, с. Колбаса Кыштовского района) [Дайнеко, 2016а, с. 67]. «В задачи ряженных входило посмеять людей, что называлось “почудить”, а также... исполнить песни, сплясать» [Традиционная культура белорусов..., 2013, с. 182].

Некоторые обряды масленичной недели имели семейно-брачную направленность. Так, принято было «обкатывать» на горках «молодоженов (особенно молодых), сыгравших свадьбы недавно, в мясоед» [Фурсова, 2002, ч. 1, с. 190]. В этом же ряду находится и традиция вязания колоды, с помощью которой принято было публично осуждать тех юношей (чаще обряд был направлен на них) и девушек, которые своевременно не женились и не вышли замуж [Семенова, Семенов, 2003, с. 12; Фетисова, 2002, с. 85; и др.]. Не выполнившим свой долг перед обществом молодым людям привязывали к ноге колодку – обрубок дерева; впоследствии его стали заменять небольшой щепкой, полотенцем, платком, куском ткани и перевязывали не ногу, а руку [Там же], либо вешали «алы банты» (яркие ленты) на грудь. Всё сопровождалось шутливыми песнями, например: «Ой, Масленка, белый сыр, / Чего, Ванька, не женился, сукин сын? / Ой, Масленица, белая мука, / Чего, Танька, ня вышла замуж, сукина дачка?» [Дайнеко, 2016а, с. 67]. То же действие могли совершить по отношению к матери не женившегося. Для того чтобы освободиться от позорного атрибута, следовало отдать выкуп – алкоголь, закуску и пр. Исследователи считают, что в этом обряде сохранился рудимент древних растительных культов [Фетисова, 2002, с. 85].

Кульминацией масляной недели, безусловно, являлось Прощеное воскресенье. Во всех белорусских деревнях Сибири и Дальнего Востока в этот день принято было «жечь Масленицу». В некоторых местах делали один на всю деревню большой костер, в других – «костры раскладывали вдоль всех улиц, между домами и даже на санях-дровнях» [Традиционная культура белорусов..., 2013, с. 184]. Жгли снопы соломы, негодные колеса, бросали в костер старую одежду и обувь, вещи больных или умерших людей; в отдельных селах делали атропоморфное чучело. Например, чучело делали – и не одно на всю деревню, а несколько, для каждой компании гуляющих людей, в с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области: «Вот наша компания собрались, мы вместе гуляем. Захотели: “Ай, чучело дывайте сделаем!” Сделали чучело». Для его изготовления использовали обычно ненужную одежду: «Со старых [вещей делали] каких-нибудь. Палку возьмут, сделают как хрест, привяжут. Кухвайку натянут на ету, шапку тут наденуть, соломы напихають...» Чучело полагалось повозить по деревне и «тада палють ўже на улице. Много! Мы тут палим, там другая компания палит». Всё это происходило «токо када проходить Масленица, в последний день, в воскресенье. Вечером, конечно. Через костёр прыгали» [Дайнеко, 2016а, с. 67]. «Однако следует заметить, что в ряде мест Западной и, особенно, Восточной Сибири, в местах компактного поселения белорусов (напри-

мер, Манский район Красноярского края), масленичных костров не жгли» [Традиционная культура белорусов..., 2013, с. 184].

В последний день Масленицы принято было просить прощения у родных и знакомых: «прощения просили [друг у друга]! Раньше ж гуляли компаниями – и прощения просили, кто с кем. А так не ходили [просить], чтоб специально» [Дайнеко, 2016б, с. 88]. Прощения просили у Бога и «адин ў аднаво», сидя в этот день за столом: «Ты ж, кума, прости миня за всё» – «Бог простить, и я прашчаю», – после чего полагалось поцеловаться. «Эта прашчальная дата», отмечали информанты. Далее начинался Великий пост [Семенова, Семенов, 2003, с. 12].

В селе Новомихайловка Чугуевского района Приморского края масляную неделю было принято проводить «по-весеннему»: ходить на реку и петь с её берегов особые масленичные припевки, каждая строфа которых завершалась типичным для обрядовых весенних песнопений восклицанием «У!» Пелись они звонко, крепко, в высоком звуковом регистре [Семенова, Семенов, 2003, с. 12]. Вероятно, исполнение «гукальных» песен следует считать признаком локальной традиции черниговских переселенцев именно этого села. В большинстве мест расселения белорусов Сибири и Дальнего Востока кликать, гукать весну начинали позже: в Сороки – день Сорока мучеников и Благовещенье.

Проведенный обзор особенностей обрядовых комплексов праздников Дьылгайак и Масленица позволяет сделать некоторые **выводы**, безусловно, предварительные и не претендующие на полноту. Несмотря на языковые и культурные различия, в обрядовом наполнении двух календарных праздников – алтайского Дьылгайака и Масленицы сибирских белорусов – наблюдается достаточное количество моментов сходства. Так, совпадает временная приуроченность – Дьылгайак у алтайцев принято праздновать в день весеннего равноденствия, славянская Масленица в дохристианские времена тоже, как полагают ученые, была приурочена к этому времени, но затем срок её празднования отодвинули на период перед Великим постом. Оба праздника знаменуют переход от зимы к весне, прощание со старым и встречу нового. И в том, и в другом празднике присутствуют отголоски или прямые включения фрагментов древних языческих обрядов, связанных с культом Солнца, огня, умерших предков, и др. Многие составляющие алтайского и белорусского праздников направлены на очищение (физическое и духовное): уборка жилища перед праздником, поминание предков с помощью специальных обрядовых действий или путем приготовления ритуальной еды (у белорусов это блины, куття из пшеницы, у алтайцев – национальные мясные и молочные блюда), задабривание духов-хозяев (не только у алтайцев, у которых кормление духов включается во многие ритуальные практики, но и у белорусов-переселенцев в некоторых местах расселения, где фиксировалось кормление куттей «хозяина» в хлеву), обмен с близкими и родными просьбами о прощении, и пр. И у алтайцев, и у белорусов данные весенние праздники носят всеобщий характер – в них участвуют все жители селения, независимо от половозрастной и социальной принадлежности. В обоих праздниках можно отметить целый ряд совпадающих обрядовых действий, например: 1) катание с гор на шкурах животных и саях: здесь мы видим отголосок растительных культов и продуцирующей магии – тесный ритуальный контакт с землей должен был способствовать хорошему урожаю; 2) зажигание костров: белорусы «жгли Масленицу» в виде соломы, старых вещей, антропоморфного чучела, т.е. символически избавлялись от всего старого и таким образом приносили жертву новому; алтайцы – с помощью огня проводили обряд кормления духов; 3) обычай ходить в гости и устраивать обильные застолья с обязательными ритуальными блюдами, некоторые из которых отсылают к солярному культу, культу умерших предков (блины, куття у белорусов); и т.д. Сходство многих элементов Дьылгайака и Масленицы, с одной стороны, архетипически обусловлено, с другой – является свидетельством культурных контактов тюркских и славянских этносов на территории Южной Сибири.

Вообще представляется новым и перспективным дальнейшее сравнение обрядовых циклов тюркских и славянских народов, в частности алтайцев и белорусов-переселенцев¹⁴. В следующей статье мы планируем осветить результаты структурно-семантического анализа обрядовых комплексов праздников Дьылгайак и Масленицы. Интересные научные результаты могут быть получены также при сравнении других сезонных обрядовых календарных комплексов алтайцев и белорусов Сибири.

¹⁴ Подобный опыт уже предпринимался сибирскими музыковедами и филологами, см.: *Леонова Н.В., Сыченко Г.Б., Юша Ж.М.* Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 30. С. 161–168.

Список литературы

- Баскаков Н.А., Тоцакова Т.М.* Ойротско-русский словарь. 2-е издание. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 316 с.
- Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры / Отв. ред. Е.Ф. Фурсова.* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011.
- Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А.* Народные праздники Хакасии. Учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1999.
- Дайнеко Т.В.* Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря (по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой) // *Языки и фольклор коренных народов Сибири.* 2016а. № 2 (вып. 31). С. 63–70.
- Дайнеко Т.В.* Календарные песни села Камышинка (материалы экспедиции 2016 года) // *Языки и фольклор коренных народов Сибири.* 2016б. № 2 (вып. 31). С. 85–91.
- Жимулева Е.И.* Календарные праздники и обряды теленгитов Улаганского района Республики Алтай (по материалам экспедиций 2008–2009 гг.) // *Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 3–5 сентября 2009 г. Том II.* Абакан, Хакасское книжное издательство, 2010. С. 24–27.
- Можейко З.Я.* Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985.
- Ойноткинова Н.Р.* Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // *Сибирский филологический журнал* 2016. № 4. С. 5–18.
- Пропт В.Я.* Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука; Терра, 2000.
- Семёнова И.В., Семёнов О.В.* Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003.
- Сибирская Масленица: Фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / Сост. Н.А. Новосёлова.* Красноярск: ГЦНТ; Класс Плюс, 2010. 230 с.
- Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / А.В. Титовец и др.; под науч. ред. А.В. Титовца.* Минск: Буларус. наука, 2013. 579 с.: ил.
- Фетисова Л.Е.* Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.
- Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Новосибирск: Агро, 2002. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. 288 с.
- Хакасско-русский словарь / Сост. О.П. Анжиганова и др.* Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Чемчиева А.П.* Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // *Издательство Грамота.* 2016. № 12 (74), ч. 3. С. 195–198.

N. R. Oynotkinova^{*}, T. V. Dayneko^{**}

Institute of Philology of Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;

^{*}n.bayzhanova@mail.ru; ^{**}tan-dai@mail.ru

The spring calendar cycle of Altaians and Byelorussians settlers of Siberia:
Gyulgayak and Maslennitsa

This article is devoted to the study of rituals, timed to the spring season in two different cultural traditions, Turkic and Slavic. Two ritual complexes are described and compared – the Dyilgayak holiday of Altaians and Maslennitsa of Byelorussians settlers of Siberia. The material of the study was field audio and video recordings made by the authors of the article in the folklore and ethnographic expeditions of the last decade to the regions of the Altai Republic and the Novosibirsk region, as well as information from various published and archival sources.

The review of the peculiarities of the ritual complexes Dylgayak and Maslenitsa makes it possible to draw some conclusions, which are certainly preliminary and do not pretend to be complete. Despite the linguistic and cultural differences, in the ceremonial filling of two calendar holidays – Altaic Dylgayak and Maslenitsa of Siberian Byelorussians – a sufficient number of moments of similarity are observed. So, the temporary confinement coincides – the Dylgayak is celebrated on the day of the vernal equinox, Maslenitsa in pre-Christian times, too, scientists believe, was timed to this time, but then the period of its celebration was postponed until the Great Lent. Both holidays mark the transition from winter to spring, parting with the old and meeting a new one. And in that, and in another holiday there are echoes or direct inclusions of fragments of ancient pagan rituals associated with the cult of the Sun, fire, dead ancestors, and others. Many constituent parts of the holidays are aimed to cleansing (physical and spiritual): cleaning the dwelling before the holiday, remembrance of the ancestors with the help of special ritual activities or by preparing ritual meals, beguiling the spirits -masters, exchange with relatives with requests for forgiveness, etc. Both these spring holidays are attended by all the inhabitants of the village, regardless of age and sex. In both holidays, a number of coinciding ceremonial actions can be noted, for example: 1) riding from the mountains on animal skins and sledges: here we see an echo of plant cults and producing magic – a close ritual contact with the earth was to promote a good harvest; 2) ignition of fires: the Belarusians "burned Maslenitsa " in the form of straw, old things, an anthropomorphic stuffed animal, ie. symbolically got rid of everything old and thus sacrificed a new one; Altaians conducted a rite of feeding the spirits with the help of fire; 3) the custom to go to visit and organize plentiful feasts with obligatory ritual dishes, some of which refer to the solar cult, the cult of dead ancestors (pancakes, kutya from Belarusians); etc. The similarity of many elements of Gyulgayak and Maslenitsa, on the one hand, is archetypally conditioned, on the other hand it is a testimony of cultural contacts between Turkic and Slavic ethnic groups in the territory of Southern Siberia.

Keywords: Altaians, Byelorussian settlers of Siberia, calendar folklore, spring rituals, Dylgayak, Maslenitsa.

References

- Baskakov N.A., Toshchakova T.M. *Oyrotsko-russkiy slovar' [Oiro-Russian dictionary]*. 2-ye izdaniye. Gorno-Altaysk, Ak Chechek Publ., 2005, 316 p.
- Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsiya etnicheskoy kul'tury [Byelorussians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]*. Ed. by E.F. Fursova. Novosibirsk, 2011.
- Butanayev V.Ya., Vernik A.A., Ulturgashev A.A. *Narodnyye prazdniki Khakasii [Folk holidays in Khakassia]*. Uchebnoye posobiye. Abakan, Publ. of KhSU, 1999, 76 p.
- Chemchiyeva A.P. Sotsial'nyye praktiki vrozhdeniya traditsionnykh prazdnikov (na primere korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altay) [Social practices of the revival of traditional holidays (on the example of indigenous small peoples of the Altai Republic)]. *Izdatel'stvo Gramota [Publishing house Gramota]*, 2016, № 12 (74), pt. 3, pp. 195–198.
- Dayneko T.V. Fol'klornyye traditsii sela Kolbasa: osnovnyye vekhi narodnogo kalendarya (po vospominaniyam Evy Ivanovny Pavlyukovoy) [Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages (according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Native Peoples of Siberia]*, 2016a, no. 2 (iss. 31), pp. 63–70.
- Dayneko T.V. Kalendarnyye obryady i pesni sela Kamyshinka (materialy ekspeditsii 2016 goda) [Calendar rituals and songs of Kamyshinka village (fieldwork materials of 2016)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Native Peoples of Siberia]*, 2016b, no. 2 (iss. 31), pp. 85–91.
- Fetisova L.E. *Belorusskiye traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'ya [The Byelorussian traditions in the national and household culture of Primorye]*. Vladivostok, 2002.
- Fursova E.F. *Kalendarnyye obychai i obryady vostochnoslavnyanskikh narodov Novosibirskoy oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeystviya (konets XIX – XX vv.) [Calendar customs and rituals of the East Slavic people of the Novosibirsk region as result of interethnic interaction (end of the XIX–XX centuries)]*. Novosibirsk, Agro Publ., 2002, pt. 1: Obychai i obryady zimne-vesennego perioda [Customs and rituals of the winter and spring period]. 288 p.
- Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian Dictionary]*. Prepared by O.P. Anzhiganova et al. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p.
- Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemno-tipologicheskogo issledovaniya [Calendar-Song Culture of Byelorussia: Experience of a system and typological research]*. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985, 247 p.
- Oynotkinova N.R. Kul'turno-semioticheskiye kody kalendarnoy obryadnosti yuzhnykh altaytsev [Cultural-semiotic codes of the calendar ritual of the Southern Altaians]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]*, 2016, no. 4, pp. 5–18.
- Propp V.Ya. *Russkiye agrarnyye prazdniki [Russian agrarian holidays]*. SPb.: Azbuka; Terra Publ., 2000.
- Semenova I.V., Semenov O.V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovyye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uездov Chernigovskoy gubernii v Primor'e [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]*. Vladivostok, 2003.
- Sibirskaya Maslenitsa: Fol'klorno-etnograficheskiye materialy. Semantika obryadovykh deystviy [Siberian Maslenitsa: Folklore and ethnographic materials. Semantics of ceremonial actions]*. Ed. by N.A. Novoselova. Krasnoyarsk, GTsNT, Klass Plyus Publ., 2010, 230 p.

Sokolova V.K. *Vesenne-letniye kalendarnyye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov: XIX – nachalo XX v.* [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Byelorussians XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 288 p.

Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve [Traditional culture of Byelorussians in time and space]. Ed. by A.V. Titovets. Minsk, Belarus. Navuka Publ., 2013, 579 p.

Zhimuleva Ye.I. Kalendarnyye prazdniki i obryady telengitov Ulaganskogo rayona Respubliki Altay (po materialam ekspeditsiy 2008–2009 gg.) [Calendar holidays and ceremonies of the Telengits of Ulagan district of the Altai Republic (based on the materials of the expeditions of 2008–2009)]. In: *Narody i kul'tury Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii, 3–5 sentyabrya 2009. Tom II* [Peoples and cultures of Southern Siberia and adjacent territories: history, current state, prospects: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 65th anniversary of the Khakass scientific research Institute of Language, Literature and History, 3–5 Sept. 2009. Vol. II]. Abakan, Khakass Publ., 2010, pp. 24–27.